

Взаимосвязь международного гуманитарного права и права прав человека. Из истории создания Всеобщей декларации прав человека и Женевских конвенций

Робер Кольб¹

По-видимому, родство международного гуманитарного права и международного права прав человека сегодня окончательно признано и перешло в разряд истин, не требующих доказательства. Повторенная много раз, она (истина) теперь принята всеми. В результате может создаться впечатление, что эта тесная связь существовала и воспринималась «с самого начала». Однако в действительности все было не так. Данные дисциплины восходят к различным юридическим категориям, и потребовалось пристальное внимание современных исследователей, чтобы выявить черты общности, предопределяющие, на наш взгляд, их широкое и плодотворное взаимодействие². Попробуем в этом разобраться.

Есть два рода причин, объясняющих почти полную независимость друг от друга международного гуманитарного права и права прав человека, отмечавшаяся сразу после Второй мировой войны³.

Одни из них имеют отношение к зарождению и развитию соответствующих отраслей⁴. Так, право войны своими корнями уходит в древность. Оно формировалось в основном в связи с войнами, которые происходили между постепенно консолидирующимися европейскими державами, начиная со Средневековья. Право войны — одна из старейших отраслей международного публичного права, и оно занимает значительное место в трудах классиков этой науки.

¹ Робер Кольб — имеет степень доктора наук в области международных отношений (по специальности международное право) Института международных исследований в Женеве.

Статья написана на французском языке.

² См. об этом: «Взаимосвязь между международным гуманитарным правом и правом прав человека. Краткая библиография», с. 156.

³ Об эволюции взаимоотношений между этими двумя отраслями международного права см. А. Н. Robertson. Humanitarian Law and Human Rights. — С. Swinarski (éd.). Etudes et essais sur le droit international humanitaire et sur les principes de la Croix-Rouge/Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross principles, en l'honneur de/in Honour of Jean Pictet. CICR, Genève — La Haye, Martinus Nijhoff, 1984, p. 793; D. Schindler. Le Comité international de la Croix-Rouge et les droits de l'homme. — RICR, n° 715, janvier—février 1979, p. 3.

⁴ См., например, Schindler, *ibid.*, pp. 4–7.

Его международный аспект стал еще более рельефным благодаря христианству и рыцарству с его правилами поведения и *jus armorum*.

Права человека принадлежат к сфере организации государственной власти по отношению к индивидууму. Они выросли из теорий эпохи Просвещения о государстве и нашли свое естественное выражение во внутреннем конституционном праве. Можно упомянуть, в частности, Петицию о праве 1628 г., Хабеас Корпус 1679 г., Билль о правах 1689 г. (Англия); Вирджинскую декларацию прав 1776 г. (США); Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. (Франция). Только после Второй мировой войны право прав человека вошло в состав международного публичного права, что стало реакцией на преступления вооруженных сил держав «оси». Именно в конце 40-х гг. права человека оказались рядом с тем, что называлось также правом войны, и только с этого момента правомерно ставить вопрос об их взаимосвязи в рамках международного права. Однако в силу своей молодости и неразвитости отрасль прав человека еще не могла стать предметом анализа, который предполагает наличие более устоявшейся сферы применения и более высокого уровня технической разработанности.

Другие причины — институционального свойства. Самая важная из них заключается в том, что органы системы ООН решили в своей работе совсем не принимать во внимание соображения, связанные с правом войны. Они исходили из того, что, занимаясь этой отраслью права, они бы подвергли опасности авторитет *jus contra bellum*, провозглашенного в Уставе ООН, что могло бы поставить под сомнение способность Организации поддерживать мир¹. Так, в 1949 г. Комиссия международного права ООН исключила право войны из своего перечня отраслей права, подлежащих кодификации². Понять эту позицию можно только в контексте первых послевоенных лет. Кстати, она проявлялась и в 30-е гг.³ К ней добавлялась и определенная разобщенность между МККК и ООН. Лишь отчасти ее можно было объяснить отказом ООН заниматься правом войны. Самая глубинная причина лежит в традиционной приверженности

¹ A. H. Robertson, *loc. cit.* (см. сноски 3, с. 13), p. 794; Schindler, *loc. cit.* (см. сноски 3, с. 13), p. 7; A. Migliazza. *L'évolution de la réglementation de la guerre à la lumière de la sauvegarde des droits de l'homme*. — RCADI, vol. 137, 1972-III, pp. 164–165.

² Yearbook of the International Law Commission, 1949, p. 281, par. 18: «Было сочтено, что если в самом начале своей деятельности Комиссия предприняла бы это исследование [по праву войны], общественное мнение могло бы это истолковать как неверие в эффективность средств, которыми располагают Объединенные Нации для поддержания мира». — См. об этом более аргументированные замечания членов Института международного права, сделанные в 1957 г. по поводу пересмотра принципов права войны, *Annuaire de l'Institut de droit international*, vol. 47-I, 1957, p. 323 et suiv., а также мнение докладчика J. P. A. François (*ibid.*, p. 367 et suiv.). См. также J. Kunz. *The Chaotic Status of the Laws of War and the Urgent Necessity for their Revision*. — *American Journal of International Law*, vol. 45, 1951, p. 37 et suiv.; J. Kunz. *The Laws of War*, *ibid.*, vol. 50, 1956, p. 313 et suiv.; H. Lauterpacht. *The Revision of the Laws of War*. — *British Yearbook of International Law*, vol. 29, 1952, p. 360 et suiv.

³ См., например, соображения, высказанные польским представителем Сокалем и Политисом (Греция) в Комиссии по разоружению: *Société des Nations, Documents de la Commission préparatoire de désarmement, série VIII*, 1929, p. 87 et p. 91; против: Рутгерс (Нидерланды), *ibid.*, p. 90. — См. также характерное замечание К. Струппа: *Eléments du droit international public universel, européen et américain*, vol. II, Paris, 1930, p. 503, note 1. В нем *jus in bello* подчиняется превентивному праву войны. А. П. Серени (*Diritto internazionale*, vol. IV, Milan, 1965, p. 1823 et suiv.) считает, что в данном случае имеет место «иллюзия». См. в целом J. Kunz. *Plus de lois de la guerre?* — *Revue générale de droit international public*, vol. 41, 1934, p. 22 et suiv., et p. 40 et suiv.

МККК независимой линии поведения, с одной стороны, и, с другой — в политическом характере ООН¹. Таким образом, права человека, которые воспринимались как относящиеся к ведению ООН и органов, специально созданных для их пропаганды и развития, оказались вне сферы интересов МККК, который продолжал работать исключительно в области права войны. Следовательно, налицо своего рода обратная связь: институциональный аспект влияет на нормативный, то есть Организация Объединенных Наций, являющаяся международным гарантом прав человека, не хочет заниматься правом войны, а МККК, гарант права войны, не хочет сближения с организацией, имеющей ярко выраженный политический характер, и с правами человека, которые задуманы как ее выражение. Так образовался четкий водораздел между этими двумя отраслями права.

В справедливости сказанного убеждает и ознакомление с подготовительными материалами по важнейшим документам, которые практически одновременно были приняты в конце 40-х гг. в обеих областях. Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. полностью оставляет в стороне вопрос соблюдения прав человека во время вооруженных конфликтов. Аналогичным образом проблема прав человека практически не рассматривалась при разработке Женевских конвенций 1949 г.²

Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

И во время подготовки Всеобщей декларации 1948 г.³ вопрос о воздействии войны на права человека поднимался чрезвычайно редко, да и то вскользь. В части 2 преамбулы соблюдение прав человека характеризуется как условие поддержания мира⁴. Получается, что мы находимся, так сказать, на территории *jus contra bellum*, но как только делегаты, пусть даже всего несколько из них, высказывают, хотя бы в очень опосредованной форме, мнение, согласно которому права, вводимые Всеобщей декларацией, предполагают наличие существования мира, мы сразу же оказываемся в сфере действия *jus in bello*. Так, во время

¹ См. поправку, внесенную Вултоном (Великобритания) и принятую XVII Международной конференцией Красного Креста (Стокгольм, 1948 г.). В ней членам МККК предлагалось действовать «с максимальной осмотрительностью, устанавливая отношения с международными межправительственными и неправительственными организациями... памятуя о неполитическом характере организаций, которые составляют Международный Красный Крест». *Compte-rendu de la XVIIe Conférence internationale de la Croix-Rouge, Stockholm, 1948*, p. 50.

² *Schindler, loc. cit.* (см. сноску 3, с. 13), p. 7. Об обоих документах см. также *C. Pilloud. La Déclaration universelle des droits de l'homme et les Conventions internationales protégeant les victimes de la guerre. — RICR, n° 64, 1949, p. 252* (автор подчеркивает параллелизм данных документов) и *J. G. Lossier. La Croix-Rouge et la Déclaration des droits de l'homme, ibid.*, p. 259.

³ См. сводную таблицу этапов подготовительной работы в: *A. Eide et al. (éds.) The Universal Declaration of Human Rights: a Commentary. Oslo, 1992, p. 3*. См. также обсуждение в Третьем комитете: *Doc A/C.43/SR.*, pp. 88–116, 119–170 и 174–178. См. обзор старых публикаций о Всеобщей декларации прав человека: *Economic and Social Council, Bibliography on the Protection of Human Rights, E/CN.4/540 (1951)*, pp. 36–40.

⁴ См. Доклад Редакционной комиссии Всеобщей декларации прав человека, статьи, предложенные представителем Франции (Р. Кассен), *Doc. E/CN.4/21*, pp. 48 и 68; см. также замечание мексиканского представителя, *Doc. E/CN.4/85*, p. 8.

долгих дебатов в Третьем комитете ООН Хименес де Аречага сказал, что права человека должны «в мирное время регулировать жизнедеятельность международного сообщества, построенного на принципах Организации Объединенных Наций»¹. Представитель Мексики Кампос Ортис сделал аналогичное замечание на одном из пленарных заседаний Третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он употребил выражение «в условиях мира»². Только делегат от Ливана, г-н Азкуль, пошел дальше и высказался конкретнее. Выступая по поводу статьи 26 проекта³, он выразил мнение, что основные права человека, изложенные в Декларации, должны быть гарантированы и в военное время⁴.

Нежелание рассматривать проблему войны объясняется общеполитическим подходом, который в то время преобладал в ООН. Тогда там существовал своего рода негласный консенсус относительно того, что Декларация — документ, предназначенный для условий мира, гарантом которого выступает Организация. Была еще и другая причина более технического свойства. Дело в том, что проект кодификации права прав человека преследовал двоякую цель. С одной стороны, предполагалось выработать торжественную и лаконичную декларацию по образцу великих национальных деклараций прав. Будучи декларацией Генеральной Ассамблеи ООН, такой текст не имел бы обязательной юридической силы. С другой стороны, существовала необходимость в принятии обязывающего текста, гораздо более детализированного, полностью использующего потенциал ранее провозглашенных прав, способного их конкретизировать и оформить в качестве позитивных норм. А это уже был бы международный пакт о правах человека⁵. А в ходе подготовки Декларации часто подчеркивалось, что она не носит характера закона и не является пактом. Отсюда делался вывод, что у нее — своя роль и своя сила, для сохранения которых Декларация должна оставаться лаконичной и быть свободной от любых громоздких и ненужных построений⁶. Таким образом, вопрос о сфере применения кодифицированного права прав человека мог вставать только в связи с Пактом, целью которого как раз и было обеспечение собственно правового (в узком смысле) регулирования в данной области. Так, в части 1 статьи 4 проекта Пакта затрагивалась интересующая нас проблема: «В случае войны или другого чрезвычайного положения в государстве, когда жизнь нации находится под угрозой, государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту, которые они приняли на себя в соответствии со статьей 2 (...)». В части 2 устанавливалась обязанность государства

¹ Doc. A/CN.3/SR.116, p. 268.

² «...в условиях мира необходимо обеспечить соблюдение прав личности», *Assemblée générale, Séances plénières, 3e session, 181e séance*, p. 886.

³ Проект статьи 26 имел следующую формулировку: «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». См. *Procès-verbaux officiels, Conseil économique et social, 3e année, 7e session, supplément n° 2*, p. 11.

⁴ Doc. A/CN.3/SR.152, p. 639.

⁵ R. Cassin. *La déclaration universelle et la mise en œuvre des droits de l'homme*. — RCADI, vol. 79, 1951-II, p. 297 et suiv. Проект Пакта о правах человека был воплощен в жизнь только в 1966 г.

⁶ См., например, замечания Австралии (Doc. E/CN.4/85, p. 5) или США, *ibid.*, p. 6.

ставить об этом в известность генерального секретаря ООН¹. Собственно, на этом разработка данного положения и остановилась, а вскоре работа над проектом Пакта вообще была прервана.

Женевские конвенции 1949 г.

Права человека редко упоминаются и в подготовительных материалах к Женевским конвенциям 1949 г. Присутствуют они в положениях, не носящих непосредственно практического характера, и излагаются, как правило, вскользь и достаточно расплывчато, как напоминание о кредо, которое никогда не вредно повторить.

В целом состав участников двух конференций по кодификации не был одним и тем же², но некоторые представители государств, в том числе австралийский делегат г-н Ходжсон и полномочный представитель Мексики г-н де Альба, участвовали в работе обеих. Так что не удивительно, что в их высказываниях упоминается работа, проводившаяся под эгидой ООН.

На права человека часто ссылались участники острой дискуссии о преамбуле к Конвенциям. Монсеньор Конт, который представлял Святейший Престол, настаивал на упоминании в ней «божественного» в качестве гаранта прав и обязанностей человека³ или «уважения личности и ее достоинства»⁴. Здесь четко прослеживается сходство с более общими формулировками, употреблявшимися в том же контексте, такими, например, как «уважение страдающего человека»⁵. В конце концов он предложил включить в преамбулу ссылку на «всеобщее право человека»⁶. Заимствование из Декларации 1948 г. в данном случае особенно заметно. Несколько делегатов подчеркнули также, что Женевская конвенция IV, касающаяся защиты гражданских лиц, должна, так сказать, идти рука об руку со Всеобщей декларацией, и что было бы желательно отразить это в тексте преамбулы⁷. Австралийский представитель Ходжсон высказал мнение: вместо того чтобы составлять новую преамбулу к Конвенции о военнопленных, достаточно сослаться на преамбулу Декларации⁸. Он сделал аналогичные замечания по поводу преамбулы к Конвенции о защите гражданских лиц, напомнив при этом, что Конференция собралась не для того, чтобы переделывать текст Декларации 1948 г.⁹

¹ Rapport du Comité de rédaction, Doc E/CN.4/21, p. 15; см. также Doc. E/CN.4/95, p. 18, E/CN.4/85, pp. 62-63; E/600, annexe B, pp. 32-33 и E/800, p. 17.

² R. Quentin Baxter. Human Rights in War. — Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences, vol. 31, 1977, p. 101.

³ Actes de la Conférence diplomatique de Genève de 1949, tome II, section A, p. 160.

⁴ *Ibid.*, p. 313.

⁵ Jean Pictet (CICR), *ibid.*, p. 161.

⁶ *Ibid.*, pp. 797, 676 et suiv.

⁷ De Alba (Mexique), *ibid.*, p. 676; de Geouffre de la Pradelle (Monaco), *ibid.*, p. 677; Cohen-Salvador (France), *ibid.*, p. 681; Nassif (Liban), *ibid.*, pp. 679-680. См. также замечания докладчика, *ibid.*, pp. 762-763.

⁸ *Ibid.*, p. 384.

⁹ *Ibid.*, p. 764.

Как и следовало ожидать, статья 3, общая для четырех Конвенций, также стала поводом для ссылок на права человека. Специальная комиссия Второго комитета Конференции предложила внести в Конвенцию о военнопленных своего рода «оговорку Мартенса»¹, которая предусматривала бы, что лицо, на которое не распространяется действие Конвенции, все равно остается «под защитой принципов прав человека, поскольку они вытекают из правил, принятых между цивилизованными нациями (...)»². По мнению датского представителя Кона, статью 3, общую, следует понимать как не наносящую никакого ущерба правам индивидуумов, проистекающим из других источников, в том числе правам человека³.

Права человека упоминались также в контексте защиты гражданского населения территории, оккупированной противником. По мнению г-на де Альбы, следовало принять формулировку, согласно которой оккупирующая держава может изменять законодательство оккупированной территории только в той мере, в какой оно нарушает принципы Всеобщей декларации⁴, что подразумевало бы введение небольшого исключения из гарантии законодательного *status quo* на таких территориях. В другом месте представитель Мексики вскользь упомянул «основные права личности»⁵.

Самое торжественное упоминание о правах человека, несомненно, содержалось в выступлении председателя Конференции Макса Петипьера на церемонии подписания. Он отметил параллелизм и общность идеала Женевских конвенций и Всеобщей декларации. Он подчеркнул, что некоторые из прав, провозглашенных в Декларации, были воспроизведены и конкретизированы в текстах Конвенций: «Послезавтра мы будем отмечать годовщину Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. Было бы небезынтересно сопоставить эту Декларацию с Женевскими конвенциями. Некоторые из основных прав, провозглашенных в ней, были положены в основу наших документов: например, уважение личности, запрещение пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство наказаний и обращения. Таким образом, эти права получили правовое подтверждение, пусть даже частичное, в договорных обязательствах, которые ваши правительства согласились принять на себя сегодня. Всеобщая декларация прав человека и Женевские конвенции имеют в своей основе один и тот же идеал (...)»⁶.

¹ См. преамбулу к Гагской конвенции IV от 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны.

² Actes (см. выше, сноска 3, с. 17), p. 455. Особый характер оговорки Мартенса вытекает из того факта, что она ссылается на права человека, а не на принципы международного права. В других местах выражение «права человека» было заменено словосочетанием «гуманитарные принципы». См. Devijver, *ibid.*, p. 468, а также le Rapport final, *ibid.*, p. 548.

³ «Ничто в настоящей статье не может быть истолковано как лишающее лиц, не подпадающих под действие положений данной статьи, их прав человека, в частности, права на самооборону от незаконных актов, квалифицированных как преступные действующим законодательством государства до начала военных действий или оккупации», *ibid.*, p. 468 (поправка Дании). См. по этому поводу критические замечания Гарднера (Великобритания), *ibid.*, p. 398, и ответ Кона, Actes (см. выше, примечание 19), tome II, section B, pp. 260–261.

⁴ *Ibid.*, tome II, section A, p. 655.

⁵ *Ibid.*, tome II, section B, p. 328.

⁶ *Ibid.*, p. 541.

Конечно, не стоит обольщаться относительно действительности этих деклараций, которые носят «точечный» характер и редко находят отражение в положениях непосредственно практического свойства. Рамки применения Конвенций остаются обусловленными объективным понятием покровительствуемого лица, которое определяется через его статус относительно военных событий (больной, раненый, военнопленный, гражданское лицо). Здесь нет места для концепции субъективных прав высшего порядка, которые предоставлены людям без каких бы то ни было различий, исключительно в силу их принадлежности к человеческому роду¹. С другой стороны, права человека вовсе не упоминаются там, где ссылка на них была бы очень уместной, например, где говорится о защите, которой должны пользоваться лица, нарушившие право войны, или презумпция невиновности².

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. Неправильно было бы утверждать, что составители этих двух текстов работали в полной изоляции друг от друга, но в точности так же было бы ошибкой считать, что на решения участников переговоров и на их формулировки какое-то реальное воздействие оказало взаимное влияние. На практике же после необходимого заявления о приверженности принципам составители подходили к своему предмету с позиций присущих ему правил и методов. В техническом и культурном планах как была, так и осталась определенная дистанция между этими отраслями права, которые в силу превратностей своего исторического развития совершенно случайно оказались довольно близкими соседями внутри международного права.

Юридическая литература

Когда принимались Женевские конвенции и Всеобщая декларация прав человека, в литературе по праву войны иногда упоминались права человека.

Однако неизменно подчеркивались сохраняющиеся различия между этими отраслями права, общность целей которых создает иллюзию, что они очень тесно связаны между собой. Так обстоит дело с нормами, содержащимися в Женевской конвенции IV о защите гражданского населения во время войны. В теоретических трудах, в том числе самых последних, проводится мысль об их близости к правам человека, поскольку они касаются защиты лиц, не имеющих статуса военнослужащего³. То же можно сказать и о статье 3, общей для всех четырех Женевских конвенций, которая содержит определенные минимальные нормы обращения с лицами во время немеждународных вооруженных конфликтов, близкие к гарантиям права человека⁴. Еще в 1949 г. один

¹ *Ibid.*, tome II, section A, p. 797.

² *Ibid.*, pp. 311–312.

³ См. G. I. A. D. Draper. The Relationship between the Human Rights Regime and the Law of Armed Conflict. — Israel Yearbook on Human Rights, vol. 1, 1971, p. 205.

⁴ См., например, R. Quentin Baxter, *loc. cit.* (сноска 2, с. 17), p. 101; S. Junod. Les droits de l'homme et le Protocole II. — RICR, n° 743, septembre—octobre 1983, p. 256; D. Schindler, *loc. cit.* (см. сноску 3, с. 13), p. 8; L. Doswald-Beck/S. Vité. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme. — RICR, n° 800, mars—avril 1993, p. 119 et suiv.; W. A. Solf. Human Rights in Armed Conflict: Some Observations on the Relationship of Human Rights Law to the Law of Armed Conflict. — H. H. Han (ed.). World

британский автор выразил мнение, что статью 3, общую, следует понимать как «выражение озабоченности тем, чтобы даже во внутреннем конфликте было гарантировано соблюдение определенных основных прав личности»¹. Отсюда он заключил, что Конвенция IV согласуется с основными правами человека, провозглашенными во Всеобщей декларации 1948 г.²

В комментариях к четырем Женевским конвенциям, подготовленных под руководством Жана Пикте и опубликованных в 50-е гг.³, в разных местах осторожно упоминаются права человека. Чаще всего ссылки на них появляются там, где защита приближается к гарантиям, фигурирующим под рубрикой прав человека или публичных свобод. К ним относятся, в частности, неотъемлемость прав⁴, обращение с покровительствуемыми лицами вообще⁵, запрещение пыток и телесных наказаний⁶, уголовное судопроизводство⁷, гражданская правоспособность⁸, порядок подачи жалоб и апелляций интернированными лицами⁹.

Естественно, ссылки на права человека чаще всего встречаются в Женевской конвенции IV о защите гражданских лиц. Но в комментарии к ее статье 79¹⁰ слишком акцентируется принципиальное различие между двумя интересующими нас отраслями права. В соответствии с классической концепцией международного права, Конвенция не применяется к отношениям между государством и его гражданами¹¹. Она предназначена исключительно для регулирования отношений между воюющей державой и гражданскими лицами стороны противника, которые, в силу оккупации территории государства, гражданами которого они являются, оказываются во власти стороны противника. Таким образом, здесь продолжает преобладать международный аспект, присущий классической концепции войны, и предоставление защиты обусловлено наличием состояния войны. Автор комментария пишет в заключение, что доктрина, которая «в на-

in Transition: Challenges to Human Rights, Development and World Order. Washington, 1979, p. 43. — Даже авторы, являющиеся противниками любого сближения между традиционным правом войны и правами человека, признают, что статья 3, общая для Женевских конвенций, представляет собой «единственную точку соприкосновения» этих двух отраслей права: *H. Meyrowitz. Le droit de la guerre et les droits de l'homme.* — *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, vol. 88, 1972, p. 1104.

¹ J. A. C. Gutteridge. *The Geneva Conventions of 1949.* — *British Yearbook of International Law*, vol. 26, 1949, p. 300.

² *Ibid.*, p. 325.

³ Commentaire publié sous la direction de Jean S. Pictet, *La Convention de Genève pour l'amélioration du sort des blessés et des malades dans les forces armées en campagne (Convention I)*, Genève, 1952; *La Convention de Genève relative au traitement des prisonniers de guerre (Convention III)*, Genève, 1958; *La Convention de Genève relative à la protection des personnes civiles en temps de guerre (Convention IV)*, Genève, 1956.

⁴ Article 7 et Commentaire Convention I, p. 90; Article 7 et Commentaire Convention III, p. 97; Article 8 et Commentaire Convention IV, p. 85.

⁵ Article 27 et Commentaire Convention IV, p. 215.

⁶ Article 32 et Commentaire Convention IV, p. 240.

⁷ Article 99 et Commentaire Convention III, p. 496; Article 71 et Commentaire Convention IV, p. 378, avec, en note 1, une référence à la Déclaration universelle.

⁸ Article 80 et Commentaire Convention IV, p. 399.

⁹ Article 101 et Commentaire Convention IV, p. 466.

¹⁰ Статья 79 и следующие Женевской конвенции IV касаются интернированных гражданских лиц.

¹¹ Commentaire Convention IV, p. 397 et suiv.

стоящее время еще только вырисовывается» (права человека), возможно, в будущем расширит перспективы международного гуманитарного права и позволит распространить защиту на всех лиц, независимо от гражданства¹.

Заключение

Эта положительная оценка перспектив основывается на очень благожелательном отношении, которое с конца 60-х гг. неизменно встречает тенденция к сближению обеих отраслей права. При этом следует подчеркнуть, что такой «общий фронт» оформился не ранее принятия Международной конференцией по правам человека (Тегеран, 1968 г.) резолюции 23, озаглавленной «Соблюдение прав человека в период вооруженного конфликта», и уж точно не существовал в течение отрезка времени, ставшего предметом рассмотрения настоящей статьи.

¹ Commentaire Convention IV, p. 398 et suiv.